

**СТАРООБРЯДЧЕСТВО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ:
СОСТАВ, ЧИСЛЕННОСТЬ, РАССЕЛЕНИЕ
(середина XIX – начало XX вв.)**

Архангельский Север, часто обозначаемый в специальной литературе, как Русский Север, издавна привлекает внимание исследователей. Можно сказать, что он стал одним из наиболее устойчивых ценностных ориентиров русского национального самосознания как символ «монолитной» древнерусской культуры, сохранившей в первозданном виде главные духовные достижения наших предков. Не последнюю роль в этом сыграло наличие здесь мощной старообрядческой традиции, взявшей на себя роль хранильницы «древлего благочестия» и, по сути дела, задавшей цивилизационные ориентиры внутренней идентичности русского народа на пороге нового времени¹. Тем не менее приходится признать, что история северорусского старообрядчества, несмотря на то что именно эта территория являлась одним из основных центров русского раскола, до сих пор не получила монографического освещения², хотя работы, посвященные отдельным локальным традициям, монастырям и деятелям-староверам составляют довольно солидную библиографию. Поэтому цель нашего исследования состояла в том, чтобы систематизировать имеющиеся данные по расселению и численности старообрядцев Русского Севера и, по возможности, картографировать их.

¹ Подробнее об этом см.: Белобородова И. Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект (в печати).

² Исключением является ст.: Пашков А. М. Старообрядческие поселения Северо-Западной России в 1700 – 1917 гг. // История и география старообрядческих говоров. М., 1995: в числе последних работ на эту тему можно назвать ст.: Чуракова Н. Н. География старообрядческих согласий на Архангельском Севере // Тез. докл. и сообщ. Каргоп. науч. конф. М.: Каргополь, 1998. С. 13–19.

Старообрядчество Архангельской губернии конца XIX – начала XX вв. было представлено восьмью основными толками, относящимися как к поповщине, так и беспоповщине. **Поповцы** появились в пределах губернии довольно поздно – в начале XX в. – и были представлены крупнейшей церковью этого направления – Белокриницкой иерархией. Основная масса «австрийцев» Архангельской губернии находилась в Мезенском (9 приходов), Пинежском (1 приход) и Печорском уездах. Первоначально «австрийская секта» появилась в Мезенском уезде (в 1903 г.), где, по словам священников-миссионеров, она «нашла благоприятную почву к своему развитию», как-то: «отдаленность селений этого обширного уезда от приходских храмов, редкое посещение этих селений приходскими причтами, их нравственные недочеты в жизни, приверженность большинства населения к старине, и особенно к старым обрядам, память о тех мнимых страдальцах за веру, в лице протопопа Аввакума и учеников его Федора и Луки»³. Примечательно, что в память последних в г. Мезень существовала часовня, в которой православный причт по просьбе желающих совершал молебны этим старообрядческим святым⁴. Общее число приверженцев данного толка, по сведениям 1913 г., равнялось 451 чел. (309 чел. в Мезенском уезде и 142 чел. – в Пинежском). Существовало две общины (Никольская в с. Койда и с. Семжа Мезенского уезда, священники Хрисант Кордяков и Григорий Ситников; Иваново-Чернежевская в с. Сура Пинежского уезда, священник Иван Волков); кроме того, в с. Кимжа Мезенского уезда служил священник Паисий; роль наставника в Пинежском уезде выполнял Иван Староверов, а в Мезенском – Иван Жмаев, один из самых активных и одиозных деятелей архангельского раскола. Главой архангельских «австрийцев» был архиерей Ипатий Басасков. Службы проводились в храмах сел Койда и Семжа Мезенского уезда; в других мес-

³ ГААО. Ф. 487: Комиссия по делам раскола Архангельской Епархии. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

⁴ Там же.

тах – в походных церквях и молельнях⁵. Священники-миссионеры Архангельской епархии специально отмечали, что в Мезенском и Пинежском уездах «... эта секта (поповцы. – И. Б.) вполне соорганизована и при полном единении членов имеет претензию занять положение главенствующее среди других толков, так сказать, объединить их своею властью»⁶. Иначе обстояло дело в Печорском уезде, где, несмотря на то что здесь в начале XX в. последователей Белокриницкой иерархии насчитывалось «несколько тысяч», они были «слабо соорганизованы. Религиозных общин ...там не существует. Вся организация раскольников этого края средоточивается единственно в руках наставников, которые все почти малограмотны. Районы их паствы не определены; в деревне, например, если и есть наставник, то не все к нему обращаются за исполнением треб, а некоторые имеют наставником лицо из другой местности ... В Печорском уезде имеется лишь одна вполне оборудованная молельня в деревне Скитской Замежного прихода, построенная на средства московских раскольников»⁷. Помимо связей с московскими единоверцами, архангельские «австрийцы» поддерживали отношения и с Вяткой. Так, в 1912 г. в с. Верхние Березники (Березницкое) Ушельского прихода Пинежского уезда, где начетчиком был Федор Ситников, прибыл «австрийский поп Ефросин из Вятской губернии», сосланный сюда на постоянное местожительство за нетрезвый образ жизни, но, тем не менее, привезший с собой походную церковь и «намерение служить»⁸. Ответной мерой православных священников-миссионеров было ходатайство об открытии здесь единоверческого прихода⁹.

Беспоповских толков в Архангельской губернии в 1913 г. насчитывалось семь: поморский, филипповский, аароновский, федосеевский, аристовский, новоженев и страннический («бегуны»). Общее число их

⁵ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–5.

⁶Там же. Д. 30. Л. 4.

⁷Там же. Л. 5 об.–6.

⁸Там же. Д. 41. Л. 46–47.

⁹Там же. Л. 49.

последователей равнялось приблизительно 12 тыс. чел.¹⁰ Они проживали во всех уездах и имели свои общины и культовые центры. Однако, как неоднократно указывали деятели противораскольнической миссии, это число было весьма приблизительным и не отвечало истинному положению вещей. С. В. Мартынов, посетивший Печорский уезд в 1903 г., замечает по этому поводу: «Количество старообрядческого населения на Печоре не может быть определено, и можно только сказать, что число их значительно. Имеющиеся официальные сведения не заслуживают никакого доверия, т.к. ни в полицейских списках, ни в метрических книгах в огромном своем большинстве старообрядцы не записываются. Столь же мало в этом отношении ценны и цифры миссионеров»¹¹. Впрочем, это признавали как официальные статистические издания, так и деятели Церкви. Так, в юбилейном докладе по поводу 10-летия епархиального миссионерского комитета было отмечено, что «сведения о числе раскольников в епархии до учреждения епархиального миссионерского комитета показывались крайне неточно. Достаточно сказать, что по документам Духовной Консистории к 1884 г. раскольников числилось только 2049 душ обоего пола. Ни для кого не было тайной, что это число не соответствует действительному положению дел»¹². Причины таких заниженных данных руководство комитета видело в том, что сведения приходскими священниками предоставлялись по духовным росписям и ведомостям о православии, относящимся к 40-м гг. XIX в., хотя миссионерский комитет еще в 1893 г. по предложению епископа Никанора дал разъяснение по вопросу о том, что раскольниками следует считать тех, кто «1) рождены от раскольнических родителей и не были крещены в православной церкви; тех, кои записаны по метрическим полицейским книгам и признаны раскольниками по суду;

¹⁰ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

¹¹ Мартынов С. В. Печорский край. Очерки природы и быта, население, культура, промышленность. СПб., 1905. С. 17.

¹² Раскол в Архангельской Епархии и миссионерская деятельность против него. (По поводу 10-летия епархиального миссионерского Комитета) // АЕВ. 1894. № 20. С. 616.

и, наконец, таких лиц, кои хотя и крещены в православной церкви, но через перекрещивание совершенно отпали от нее и безбоязненно и публично порицают учение и таинство православной церкви. 2) тайными раскольниками или придерживающимися раскола записывали бы лиц, кои придерживаются всех заблуждений раскола, но окончательно, по видимому, не прервали общения с церковью (чрез перекрещивание), приверженность же свою к расколу обнаруживают тем, что много лет не исполняют христианского долга, не ходят никогда к богослужениям православной церкви, не прикладываются ко святому кресту и иконам церковным, живут в домашнем быту по примеру раскольников (особые чашки) и в разговорах о вере высказывают сомнение и недоверие к православию, а в расколе находят все истинным и душеспасительным»¹³. После этого пространного объяснения и активной деятельности сотрудников миссионерского комитета положение со старообрядческой статистикой начало постепенно выправляться. В 1908 г. число последователей беспоповских толков в епархии, по данным приходских священников, приближалось к истинной цифре – 14 237 чел. обоего пола. В 1909 г. это число увеличилось на 481 и составило 14 718 чел. обоего пола¹⁴. Но уже в 1910 г. в приходских ведомостях было показано неправдоподобное уменьшение раскольников на 3396 чел. (11 322 чел. обоего пола)¹⁵. Еще более неполными были данные по численности отдельных беспоповских толков Архангельской губернии, поскольку, как неоднократно указывали миссионеры, «число последователей каждого толка определить с той или иной точностью трудно, т.к. нередко приходится наблюдать, что члены одного и того же семейства принадлежат к разным толкам»¹⁶.

Наиболее распространенным в Архангельской губернии был поморский (даниловский) толк, что вполне естественно, если учитывать

¹³ Раскол в Архангельской епархии... С. 621.

¹⁴ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 35. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Д. 30. Л. 2; Д. 35. Л. 1 об.

как общее влияние этого направления, превратившегося в конце XIX – начале XX вв. в наиболее крупное течение в беспоповщине, так и географическую близость к Выго-Лексинской общине, находившейся на границе Олонецкой и Архангельской губерний. Последователи поморского толка проживали на Усть-Цильме (Печорский уезд), куда представители поморского толка – мезенские крестьяне Бобрецовы, Антоновы, Кирилловы и др. – прибыли еще в 1720 г.; они-то и положили начало Великопоженскому скиту, основанному в 130 верстах от с. Усть-Цильма по р. Пижма. В 1773 г. сюда прибыл даниловский наставник Иван Акундинов, который «...и устроил скит и службу во всем согласную с даниловскими выгорецкими скитами, с которыми и начались у них близкие сношения»¹⁷. Это был один из самых крупных центров поморского толка не только в Печорском уезде, но и во всей Архангельской губернии. Здесь в 1744 г. «за веру» сгорело 88 человек. Спустя некоторое время скит был восстановлен и просуществовал еще около 100 лет, пока в 1854 г. не был закрыт окончательно¹⁸. Печорские даниловцы делили себя на большечашных, поперечных и мирских. «Самые близкие к спасению это большечашечники, каковы от прочих различаются тем, что ни с кем ни в чем не имеют общения: каждый из них молится совершенно отдельно от всех, перед своими особыми иконами, поставленными где-либо за печкой, или, как говорят здесь, в “куту”, там же вкушает пищу из самой старой деревянной чашки, такую же старую ложкой.... Поперечными называются те из раскольников, которые молятся и вкушают пищу отдельно только от мирских, а между собой ни в молитве, ни в пище не разделяются. Мирские – это сообщающиеся и в молитве, и в пище с православными, но в отличие от последних о поперечных выражаются так: “не вовсе мирской”, что означает, что хотя они и имеют общение с православными, но молятся двуперстно и

¹⁷ В Печорском крае // АЕВ. 1904. № 16. С. 651.

¹⁸ С Печоры // АЕВ. 1902. № 4. С. 120.

таинств церковных не принимают»¹⁹. Наставником здесь в начале XX в. был В. Н. Дуркин – «почти безграмотный» (по утверждению местного священника), что, тем не менее, не мешало ему «именоваться отцом духовным и руководить религиозно-нравственной жизнью почти двухтысячного населения»²⁰.

Не меньшее распространение в Архангельской губернии получил более радикальный, нежели поморский, филипповский толк. Его появление здесь относится к началу XVIII в., когда часть беспоповцев-поморцев под руководством инока Филиппа (в миру Фотий) ушла из Выго-Лексинского общецельства на р. Умбу, где они основали поселение. Для филипповцев характерен крайний фанатизм, получивший выражение в массовых самосожжениях как единственном способе спасения от антихристовой власти. В 1743 г. Филипп с 70 своими последователями, спасаясь от штурмующих скит солдат, сожгли себя. Среди других «гарей» наибольшую известность получили следующие: в с. Азаполье Мезенского уезда (погибло 108 чел.; 1724 г.); в Озерецкой волости Важского уезда (погибло 80 чел.; 1726 г.); в Великопоженском скиту Мезенского уезда (погибло 88 чел.; 1744 г.); на оз. Линдозеро Кемского уезда (погибло 69 чел.; конец XVII в.) и т. д. По замечанию одного из миссионеров, «так как они (филипповцы. – И. Б.) прежде сожигались и морили себя голодом, то поэтому называются морельщиками»²¹. В конце XIX – начале XX вв. филипповцы проживали во всех уездах Архангельской губернии. Их крупнейшими духовными центрами были Мало- и Большекородский, Амбурский и Пертозерский скиты, расположенные в Архангельском уезде.

От филипповцев отделился еще один толк – аароновский, или ануфриевский, получивший название по прозвищу своего основателя – вологодского купца Андрея (Аарона) Жукова (вторая половина

¹⁹ Михайлов И. Религиозно-нравственное состояние Бугаевского прихода Печорского уезда // АЕВ. 1903. № 3. С. 84–85.

²⁰ Там же. С. 84.

²¹ ГААО. Ф. 29: Архангельская Духовная Консистория. Оп. 1. Т. 2. Д. 1644. Л. 6 об.

XVIII в.)²². По другим источникам, основателем этого толка был архангельский крестьянин Семен Протопопов, в иночестве Ануфрий²³. Приверженцы этого толка отвергали запись в «раскольничьи» списки, учрежденные Петром I: они отказывались платить двойной налог, не признавали паспорта и т. п. Отвергая крайний аскетизм, аароновцы признавали брак, совершаемый мирянином. Этот толк был распространен в Архангельском и Холмогорском уездах Архангельской губернии. Центром духовного объединения приверженцев этого толка стал Лахотский скит, расположенный в Архангельском уезде. По замечанию миссионеров, этот скит «нередко посещают и православные: они молятся здесь, делают свои приношения, пред древними иконами ставят свечи и т.п. Старообрядцы же даже отдаленных мест считают своим долгом побывать здесь, помолиться, пожить; особенно значительное число их бывает в Великий пост»²⁴. Еще одним центром архангельских аароновцев и филипповцев был так называемый Спасов монастырек. Этот небольшой в начале XX в. скит располагался на месте некогда разрушенного крупного раскольнического скита, находящегося на берегу Скит-озера Спасоприлуцкого прихода Архангельского уезда, в 57 верстах выше г. Архангельска²⁵.

Несмотря на наличие духовных центров, в первой четверти XX в. наметились серьезные трения, вылившиеся в 1910 г. в раскол между аароновцами г. Архангельска и подгородной деревни Левковская Заостровского прихода, где существовала старообрядческая молельня, имевшая немало ценных культовых предметов и богослужебных книг. «Архангельские старообрядцы, задумавшие построить в Архангельске свою молельню, надеялись воспользоваться достоянием этой молельни и все лучшее перевезти во вновь имеющую быть устроенной молельню». За-

²² Булгаков С. В. Настольная книга для священнослужителей. М., 1994. С. 278.

²³ И. С. Исторические сведения об аароновщине // Памятная книжка Архангельской губернии на 1863 год. Архангельск, 1864. С. 115.

²⁴ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 об.

²⁵ В. Е. Спасоприлуцкий приход Архангельского уезда в религиозно-нравственном и бытовом отношении//АЕВ. 1907. № 8. С. 237, 239.

островские старообрядцы, вполне естественно, воспротивились такому желанию. В результате их молельня была просто разграблена и часть имущества бесследно исчезла. Другую же часть после недолгих поисков удалось обнаружить в стогах сена и некоторых других местах. Все это закономерно привело к обособлению заостровских и архангельских аароновцев, завершившемуся созданием архангельской общины на Благовещенской улице – «расколом в расколе», по выражению миссионера²⁶.

Еще одним влиятельным направлением в северорусском старообрядчестве стал федосеевский толк, основанный в конце XVIII в. Феодосием Васильевым. Его приверженцев отличало, в частности, требование полного безбрачия. Как и филипповцы, федосеевцы очень быстро распространились по всем уездам Архангельской губернии, но сведения об их деятельности в источниках практически не встречаются.

В 1848 г. в Афанасьевской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии состоялся собор шенкурских (Архангельской губернии) федосеевцев и филипповцев, целью которого было найти возможные пути для объединения согласий. Однако этот собор дал прямо противоположный результат и закончился образованием нового толка – никулинского²⁷.

В 20 – 30-е гг. XIX в. из федосеевского согласия выделился еще один толк – аристовский, основанный петербургским купцом Аристовым. Аристовцы отвергали богомоление за царя, не признавали воинской службы, не совершали молений за умерших, придерживались строгого безбрачия. Этот толк был распространен в Шенкурском уезде, где он носил название «высокой чаши» в отличие от «низкой чаши» – федосеевцев и филипповцев. Организационно шенкурские аристовцы оформились в 1909 г. в Борецкую общину (с. Борецкое), имели свою хорошо оборудованную молельню, которую возглавлял наставник Максим Остапин. При молельне был хорошо обученный женский хор и до-

²⁶ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 35. Л. 1 об., 6.

²⁷ Макарий, еп. Христианство в пределах Архангельской епархии. М., 1878. С. 80.

вольно большая библиотека. По словам миссионера-священника о. Николая Овчинникова, «библиотека снабжена в большом количестве изданиями, с хорошим подбором книг подпольных и цензурных. Имеются Жития Святых, Прологи и др., равно и старообрядческие журналы. Журнал поповщинско-старообрядческого издания “Церковь” всякому православному предлагается для чтения»²⁸. В Пинежском уезде по Указу Архангельской духовной консистории от 16 сентября 1909 г. (№ 8665) в д. Явзоры Лавельского прихода Ярушевской волости также была образована община²⁹.

Еще одним толком, отделившимся от федосеевцев, стал так называемый толк новоженцев, основанный в 1760-е гг. государственным крестьянином Алексеевым. В отличие от других либеральных согласий, отделившихся от федосеевцев, новожены не только допускали заключение браков, но считали их необходимыми. На Архангельском Севере его последователи проживали преимущественно в Кемском уезде.

В Кемском, Мезенском и Шенкурском уездах значительное распространение получил страннический (бегунский) толк (самоназвание – «истинно православные христиане странствующие»), основанный беглым солдатом Евфимием в Коровницкой слободе близ г. Ярославля (последняя четверть XVIII в.). Проповедуя близкий конец света и требуя порвать с «обществом Антихриста», наставники бегунов призывали уклоняться от всяких государственных повинностей и административных установлений (запись в ревизии, платеж податей, военная служба, получение документов как «явных знаков Антихриста» и др.). Для верующего человека спасение – это «вечное странство». Новый наставник бегунов, Петр Крайнов, ввел некоторые послабления: вступающие в согласие люди, давая обет странничества, могли выполнять его формально (проживали в миру легально, содержали тайные молельни и кельи), только перед смертью принимали крещение и прятались в тайник. Та-

²⁸ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

²⁹ Там же. Д. 30. Л. 3 об.

кие бегуны получили название «жиловых», «пристанодержателей», «христороубцев», «благодетелей».

Впервые архангельские странники «заявили» о себе в 1888 г., когда, по сообщению вологодского губернатора архангельскому епархиальному начальству, обнаружилось, что в пограничных с Мезенским уездом вологодских селениях существует странническая секта, возглавляемая неким «старцем Феофаном» из д. Килецкой Кузьмогорского прихода Мезенского уезда. После проведенного дознания выяснилось, что старец оказался крестьянином той же деревни Иваном Бутеновым, который 16-летним подростком был уведен отцом и, по всей вероятности, принят в страннический толк в пределах Каргопольского уезда Олонецкой губернии – известного северорусского страннического центра³⁰. В дальнейшем «старец» проживал в тайниках Вологодской губернии, расположенных по берегам р. Важка, а затем стал тайно наведываться в родной Мезенский уезд³¹.

Аналогичным образом, по отношению (№ 588), направленному министру внутренних дел военными властями Вологодской губернии, были пойманы два бывших священника Костылев и Родимов, которые за годы своей «бродяжнической» деятельности в первой половине XX в. «совратили в странническую секту» около 1500 чел. в Афанасьевском приходе Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, Кургоминском приходе Шенкурского уезда Архангельской губернии³². Подобные «случайности» в выявлении крайне опасного в своем радикализме страннического толка объясняются «скрытнической» формой его функционирования. Так, в описании начала XX в. мезенских странников особо подчеркивалось, что они «проживают в тайниках своих родственников. Тайник устроен не под самым домом, а несколько в стороне; воздух проникает туда через особые трубы в виде столбов. Перед домом

³⁰ См.: *Трефолов Л. Н.* Странники. Эпизод из истории раскола // Тр. Ярослав. губ. стат. Комитета. Вып. 1. 1866. С. 205.

³¹ См.: Миссионерская поездка по Мезенскому уезду // АЕВ. 1903. № 3. С. 76.

³² ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1643. Л. 13–13 об.

бывает изгородь, закрывающая окна нижнего этажа»³³. Тем не менее в начале XX в. начинается постепенная «легализация» страннических общин. Автор «Отчета о миссионерской деятельности за 1910 г.» как новшество отметил следующее: «Скрытники или бегуны в пределах Мезенского уезда начинают постепенно оставлять свои подземелья, появляются в деревнях, часто православных, для пропаганды своего учения... Для скрытников Мезенского уезда с 1910 г. поставлен особый наставник, а раньше он был наставником и для вологодских скрытников. Существует у наставника и помощник»³⁴.

Процесс образования новых толков и мелких согласий продолжался на Архангельском Севере и в первой четверти XX в. Так, по рапорту священника Кехотского прихода Архангельского уезда о. Михаила Щеколдина, здесь в 1905 – 1906 гг. появилось «рационалистическо-сектантское направление беспоповщинского толка», так называемые «середники». Распространителем нового учения явился некий старец Симеон, крестьянин Нижегородской губернии. По учению «старца», день Воскресения Христова должен приходиться на среду (отсюда название толка), чтобы праздновать его отдельно от «антихристовых слуг». Кроме того, старец проповедовал, что «Иисус Христос имеет одно Божеское естество, и что Божья Матерь родила Бога, а не Богочеловека; что не следует поклоняться иконам, а только почитать деревянный крест, сделанный им самим; что поклоняться кресту, как и иконам, тоже не следует, а лишь только почитать и смотреть на него во время сердечно-духовной молитвы, которую должно совершать в сидячем положении». Центром новой секты стал скит, основанный на месте разрушенного древнего старообрядческого скита, на озере Слободском в 25 верстах от с. Кехта³⁵.

Известны и другие основания для образования новых согласий. Так, в небольшой деревушке Уег Мезенского уезда один из миссионе-

³³ Миссионерская поездка по Мезенскому уезду. С. 77.

³⁴ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.

³⁵ Там же. Д. 23. Л. 1–1 об.

ров зафиксировал разделение местных старообрядцев на толки «зайчатников» и «противозайчатников», т. е. тех, кто допускал употребление зайчаткины в пищу, и тех, кто отвергал это³⁶. Возможно, здесь нашло отражение характерное для всей славянской традиции особое понимание зайца как представителя мира мертвых и соотнесение его с культом предков³⁷.

Однако центром этого толка на территории Архангельского Севера на рубеже XIX – XX вв. становится оз. Топозеро Кемского уезда, вокруг которого находилось 4 старообрядческих скита (Топозерский, Шуерецкий мужские; Говин и Батьков женские).

В целом же в середине XIX в. (1862 г.), по данным Архангельской духовной консистории, общее число крупных старообрядческих скитов достигало 20: в Архангельском уезде – Больше- и Малокородские, Амбурский, Белозерский, Пертозерский, Слободской, Половой, Сумозерский, Малолахотский; в Холмогорском уезде – Гремяжный, Чернозерский и Сухозерский; в Кемском уезде – Мягрегский, Говин, Топозерский скиты, Шуерецкая, Иванькова, Килканда, Вудская и Саткова пустыни³⁸. Этот список, далеко не полный, отражал только официально известные и наиболее крупные скиты. Однако материалы духовной консистории изобилуют делами о розыске и запрещении множества более мелких скитов, выполнявших роль местных старообрядческих центров. Например, в д. Заозерной Сояльского прихода Пинежского уезда с 1800 по 1852 гг. функционировала молельня в доме местного филипповского наставника Ивана Небретова, обслуживавшего религиозные нужды не только Сояльского, но и Юрельского приходов³⁹. Еще одним центром, весьма беспокоившим в середине XIX в. епархиальные власти сразу двух губерний, были расположенные на границе Повенежского

³⁶ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 30. Л. 15 об.

³⁷ См.: *Гура А. В.* Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // *Славянский и балканский фольклор*. М., 1978. С. 159–189; *Сумцов Н. Ф.* Заяц в народной словесности // *ЭО*. 1891. № 3.

³⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1742. Л. 19–19 об.

³⁹ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1578. Л. 21–23 об.

уезда Олонецкой губернии и Онежского уезда Архангельской губернии два скита – Оштомозерский и Хижозерский. Здесь «раскол поддерживается вредными для православия действиями сектатора Петра Симонова, государственного крестьянина, [который] слывет под именем пустынножителя... Уважение и преданность окрестных жителей, в особенности Оштомозерских, к нему чрезвычайно велики», – писал начальник Олонецкой губернской канцелярии в своем секретном донесении архангельскому военному губернатору⁴⁰. Аналогичное дело было заведено на одного петербургского и двоих кемских мещан, которые подвизались в качестве иноков в Топозерском ските Кемского уезда. Из дела 1852 г. следует, что «живущие в Топозерском скиту раскольники: Тюкалов, Емельянов и Лебедев носят монашеское одеяние и что один из них даже помещен на жительство в самой часовне, в особом чулане, и затворен наподобие схимников православных монастырей»⁴¹. Отсюда отцы-наставники осуществляли пастырские поездки как по близлежащим деревням, так и, например, в Ивановскую пустынь⁴².

Скиты как центры духовной жизни имели важное значение не только для архангельских старообрядцев, но и для последователей официальной церкви. Например, говоря об известных филипповских скитах (Амбурский, Мало- и Большегородский), священник близлежащего Кудьмозерского единоверческого прихода о. Василий Батурин замечает: «Несмотря на неудобство пути [скиты] охотно посещаются не только раскольниками, но и православными во всякое время года, более же ко храмовым и господским праздникам... Скиты Амбурский и Большегородский почитаются в глазах простого народа как православные монастыри»⁴³. Не меньшее значение имел и Пертозерский скит, расположенный в 6 верстах от Амбурского. На его территории располагалась часовня местночтимой Корсунской иконы Божией Матери, нахо-

⁴⁰ ГААО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1653. Л. 2 об.–3.

⁴¹ Там же. Д. 1624. Л. 3.

⁴² Там же. Д. 1555. Л. 1–1 об.

⁴³ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об.

дящаяся в доме знаменитого в середине XIX в. раскольниковского наставника Иоакима Батурина, что породило в 1862 – 1863 гг. целое розыскное дело «Об отправлении раскольниковым крестьянином Батуриным богослужений пред иконой Корсунской Божьей Матери в часовне в Пертозерском ските»⁴⁴. Однако уже в 80-е гг. XIX в. эта часовня переходит под юрисдикцию православной Церкви. Почитание иконы дает редкий пример удивительного единения двух оппозиционных направлений русской церковной жизни. По свидетельству того же кудьмозерского священника Василия Батурина старообрядцы – посетители этой часовни – «остаются довольны тем, что могут стоять совместно при богослужении, каковое хотя нечасто отправляется священниками, чего в раскольниковских скитах не допускается»⁴⁵.

Таким образом, обобщая материал середины XIX – начала XX вв., можно составить следующую схему распространения старообрядчества в Архангельской губернии⁴⁶.

1. Печорский уезд. Приходы: Усть-Цилемский, Замежный, Бугаевский, Усть-Ковжинский, Ожинский. Всего, по данным 1904 г., здесь насчитывалось 1173 старообрядца, которые относились к поморскому, филипповскому, федосеевскому, австрийскому толкам.

2. Мезенский уезд. Приходы: Вожгорский, Кимженский, Койденский, Койнаасский, Юромский, Ручьевский, Козмогорский и г. Мезень. Точных данных по численности мезенских старообрядцев, принадлежащих к филипповскому, странническому, поморскому, федосеевскому и австрийскому толкам, нет.

3. Пинежский уезд. Приходы: Юрольский, Сояльский, Сурский, Веркольский, Ваймужский, Лавельский. По данным 1904 г., явно весьма заниженным, здесь насчитывалось всего 50 приверженцев поморского, федосеевского, филипповского, аароновского, австрийского толков.

⁴⁴ ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1742. 29 л.

⁴⁵ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 47 об.

⁴⁶ Павловский П. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола старообрядчества и сектантства Архангельской епархии за 1913 г. Архангельск, 1914.

4. Шенкурский уезд. Приходы: Борецкий, Топецкий, Кургоминский. Здесь проживало, если верить официальным данным, всего 12 человек, принадлежащих к аристовскому, филипповскому, аароновскому, федосеевскому и странническому толкам.

5. Онежский уезд. Приходы: Кушерецкий, Малошуйский, Комочинский. Данных о численности онежских раскольников нет. Известно, что они принадлежали к поморскому, филипповскому и федосеевскому толкам.

6. Архангельский уезд. Приходы: Кехотский, Кузьмогорский, Сюземский, Спасоприлуцкий. По данным 1914 г., общее число раскольников составляло всего 355 человек. Они принадлежали к поморскому, филипповскому, федосеевскому, аароновскому толкам.

7. Холмогорский уезд. Точных данных о приходах, «зараженных» расколом, как и о численности раскольников, нет. Известно только, что наибольшим влиянием здесь пользовались аароновский, поморский, федосеевский и филипповский толки.

8. Кемский уезд. Приходы: Шуерецкий, Сороцкий, Сумский, Шитемский, Нюхченский, Шуезерский, Тунгудский, Маслозерский, Кондокский, Кестенгский, Логоварецкий, Ковдский, Олангский, Колголакшский, г. Кемь. По данным Комиссии по делам раскола за 1905 г., общее число старообрядцев на столь обширной территории неправдоподобно мало – всего 392 человека. Принадлежали они к поморскому, филипповскому, федосеевскому, странническому толкам и толку новоженев.